

ПЕРЕВОД

Э. ИОНЕСКО

ЖЕРТВЫ ДОЛГА

Псевдодрама

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Ш у б е р т

М а д л е н

П о л и ц е й с к и й

Н и к о л а й

Д а м а

М а л о с д в у м я "я"

Интерьер буржуазной комнаты. Шуберт читает в кресле газету. Его жена Мадлен сидит у стола и штопает носки. Молчание.

М а д л е н. /прерывая работу/. Что нового в газетах?

Ш у б е р т. Как всегда, ничего. Кометы, взрыв галактики. Почти ничего.... наших соседей хотят оштрафовать за то, что их собака гадит на тротуаре.

М а д л е н. Ну и прекрасно! Ужасно неприятно, когда наступишь.

Ш у б е р т. А представляешь, каково жильцам первого этажа? Они открывают утром окна, видят все- и в результате целый день раздражены.

М а д л е н. Чересчур впечатлительны.

Ш у б е р т. Это болезнь эпохи. Современный человек утратил прежнее спокойствие. /Молчание/. Да, еще об

циальное сообщение.

М а д л е н. Какое сообщение?

Ш у б е р т. Довольно забавное. Правительство призывает горожан к безразличию. Указывается, что это единственное средство от экономического кризиса, душевной неустойчивости и горестей существования.

М а д л е н. Все прочие средства давно испробованы, а толку никакого. Возможно, в этом никто и не виноват.

Ш у б е р т. Пока правительство только дружески советует, но мы ведь не глупые и прекрасно знаем, что совет всегда превращается в приказ...

М а д л е н. Как ты спешешь обобщать!

Ш у б е р т. Мы знаем, что советы тут же превращаются в правила, в суровые законы.

М а д л е н. Что поделаешь, дорогой, закон необходим. Но если он необходим, значит хорош, а все хорошее приятно. В самом деле, разве не приятно подчиняться законам, быть честным гражданином, выполнять свой долг и иметь чистую совесть?

Ш у б е р т. Да, Мадлен, в общем, ты права. Закон по-своему хорош.

М а д л е н. Очевидно.

Ш у б е р т. Да, да. Самоотречение играет важную роль в политике и мистике. И там и здесь оно приносит свои плоды.

М а д л е н. И позволяет убить двух зайцев сразу..

Ш у б е р т. В этом его польза.

М а д л е н. Вот видишь.

Ш у б е р т. Кроме того, если я не позабыл истории, "система безразличия" практиковалась уже в качестве административной системы триста лет тому назад, пятьсот лет тому назад, девятнадцать веков тому назад и в прошлом году...

М а д л е н. Нет ничего нового под солнцем!

Ш у б е р т. ...имея большой успех среди целых народов, в столицах, в провинции и в таких странах, как наша.

Он встает.

М а д л е н. Садись.

Шуберт садится.

Ш у б е р т /сидя/. Только, по правде говоря, она требует принесения в жертву некоторых личных удобств.

М а д л е н. Совсем нет! Самопожертвование не всегда тяжело. Есть жертвы и жертвы. Конечно, сначала трудно отказаться от некоторых привычек, но стоит это сделать, как больше о них не вспоминаешь!

Молчание.

Ш у б е р т. Ты часто ходишь в кино, и театр любишь.

М а д л е н. Конечно, как и все.

Ш у б е р т. Больше, чем все.

М а д л е н. Возможно, больше.

Ш у б е р т. Что ты думаешь о современном театре? Каковы твои взгляды на драматургию?

М а д л е н. Опять театр! Ты помешался на нем! Только театр в голове.

Ш у б е р т. Ты действительно считаешь, что в театре можно сделать что-то новое?

М а д л е н. Я уже сказала: нет ничего нового под солнцем. Даже когда солнца нет.

Молчание.

Ш у б е р т. Ты права. Да, ты права. Все пьесы, с самых древних до современных— всего-навсего детективы. Театр всегда был и есть реалистическим и детективным. Что такое любая пьеса как не судебное расследование, доведенное до счастливого конца, как ни загадка, разгаданная в последнем действии? Или даже раньше. Кто ищет, тот всегда найдет. К тому же все ясно и очевидно с самого начала.

М а д л е н. Дорогой, докажи это примерами.

Ш у б е р т. Вспомни мистерию о женщине, спасенной богородицей от сожжения на костре. Обычная газетная хроника: если не считать божественного вмешательства: некая женщина нанимает двух убийц и убивает своего зятя по причине довольно двусмысленной...

М а д л е н. ...и постыдной...

Ш у б е р т. На место преступления прибывает полиция, проводится судебное расследование и виновная отыскивается. Чистый детектив.

М а д л е н. В самом деле.

Ш у б е р т. Сущность театра за все это время совершенно не изменилась.

М а д л е н. Как жаль!

Ш у б е р т. Понимаешь, в основе театра лежит загадка, а загадка— это и есть детектив. И так всегда.

М а д л е н. А классицизм?

Ш у б е р т. Изощренный детективный театр. Как и весь натурализм.

М а д л е н. Оригинальные идеи. Возможно, ты прав. Но не мешает узнать мнение сведущих людей.

Ш у б е р т. Каких людей?

М а д л е н. Любителей кино, преподавателей "Коллеж де Франс", сотрудников Агрономического института, норвежцев и ветеринаров. Особенно много идей на этот счет у ветеринаров.

Ш у б е р т. Идеи у всех есть. Чего-чего, а идей хватает. Но главное ведь не идеи, а факты.

М а д л е н. Факты и одни только факты. Все-таки надо у них спросить.

Ш у б е р т. Пожалуй.

М а д л е н. И дать им как следует подумать. У тебя-то самого времени хватает...

Ш у б е р т. Эта проблема меня очень волнует.

Молчание.

Мадлен штопает носки. Шуберт читает газету.

Слышится стук в дверь соседней квартиры. Шуберт поднимает голову.

М а д л е н. Это не к нам, а к консьержке. Ее никогда нет дома.

Снова стук в дверь консьержки.

Г о л о с п о л и ц е й с к о г о. Консьержка! Консьержка!

Молчание. Стук повторяется.

Г о л о с п о л и ц е й с к о г о. Консьержка!

М а д л е н. Ее никогда не бывает дома. Как нас плохо обслуживают!

Ш у б е р т. Хорошо бы посадить ее на цепь. Наверное, ищут кого-то из нашего дома. Пойду посмотрю.

Он поднимается и снова садится.

М а д л е н. /спокойно/. Не наше дело. Ты не консьерж, дорогой. В обществе каждый исполняет свою социальную роль.

Непродолжительное молчание. Шуберт читает газету. Мадлен штопает носки.
Робкий стук в пра^вую дверь.

Ш у б е р т. Мадлен, это к нам.

М а д л е н. Пойди открой.

Ш у б е р т. Иду.

Шуберт поднимается, идет к правой двери и открывает ее. В дверях появляется полицейский. Это очень застенчивый молодой человек в светлом плаще, без шляпы, с портфелем в руках.

П о л и ц е й с к и й. /в дверях/. Добрый день, мсье.

/Мадлен, которая тоже поднялась и подошла к двери/.

Добрый день, мадам.

Ш у б е р т. Добрый день. /Мадлен/. Это полицейский.

П о л и ц е й с к и й /робко переступая через порог/.

Мадам, мсье, прошу прощения... мне нужна консьержка...
по одному делу... а ее нет дома...

М а д л е н. Естественно.

П о л и ц е й с к и й. ...не знаете ли вы, где она... и
когда вернется... Простите... я вас беспокоил...

Ш у б е р т. Мсье, консьержка должна скоро прийти. За исключением субботы, она вообще не выходит из дому.
А по субботам, с тех пор, как выдала дочь замуж, ходит на танцы. Сегодня вторник...

П о л и ц е й с к и й. Бесконечно вам признателен, мсье..
Я подожду ее на лестничной площадке. Имею честь откланяться. Мое почтение, мадам.

М а д л е н /Шуберту/. Какой благовоспитанный молодой человек! Какой вежливый! Спроси, кого он ищет.
Может быть, мы поможем.

Ш у б е р т /полицейскому/. Может быть, я могу чем-нибудь помочь?

П о л и ц е й с к и й. Мне так неудобно... я вас беспокоил...

М а д л е н. Нет, нет, что вы! Ничуть не побеспокоили.

П о л и ц е й с к и й. Дело совсем простое...

М а д л е н /Шуберту/. Пригласи его войти.

Ш у б е р т /полицейскому/. Мсье, прошу вас, входите.

П о л и ц е й с к и й. Ах, мсье, ...я... право же...я...

Ш у б е р т. Моя жена просит вас в дом.

М а д л е н /полицейскому/. Мой муж и я просим вас в дом,
дорогой мсье.

П о л и ц е й с к и й /бросив взгляд на часы/. Кажется,
у меня совсем нет времени. Я опаздываю...

М а д л е н /в сторону/. У него золотые часы!

Ш у б е р т /в сторону/. Она заметила, что у него золотые
часы!

П о л и ц е й с к и й. ...впрочем, если вы настаиваете...
я зайду... но только на пять минут... и при условии,
что вы меня потом отпустите...

М а д л е н. Дорогой мсье, можете не волноваться!.. Мы
вовсе не собираемся удерживать вас силой... Входите,
отдохните немного...

П о л и ц е й с к и й. Спасибо. Очень вам признателен.
Вы так любезны.

Полицейский делает шаг вперед, останавливается
и расстегивает плащ.

М а д л е н /Шуберту/. Какой изящный коричневый костюм!
И к тому же совсем новый!

Ш у б е р т /Мадлен/. Какие великолепные полуботинки!

М а д л е н /Шуберту/. Какие красивые светлые волосы!

/Полицейский проводит рукой по своим светлым волосам

У него чудные глаза и удивительно добрый взгляд.

Как по-твоему?

Ш у б е р т /Мадлен/. Очень симпатичный молодой человек.

Он внушает мне доверие. Невероятно детское лицо.

Мадлен. Что же вы стоите, мсье? Прошу вас, садитесь.

Шуберт. Садитесь, пожалуйста.

Полицейский делает еще один шаг, но не садится.

Полицейский. Вы, если не ошибаюсь, супруги

Шуберт?

Мадлен. Да, это мы.

Полицейский /Шуберту/. Мсье, вы, кажется, любите театр?

Шуберт. Э-э-э... да... интересуюсь немного...

Полицейский. Очень похвально. Я тоже люблю театр. К сожалению, для того, чтобы ходить в театр, у меня не хватает времени. /Мадлен/. Мсье Шуберт, по-видимому, сторонник "системы безразличия"?

Мадлен /почти без удивления/. Совершенно верно.

Полицейский /Шуберту/. Имею честь, разделять ваши взгляды.. /Обоим/. Простите, что отнимаю у вас время. Я пришел узнать следующее. До вас в этой квартире жила семья Малло. Как пишется Малло: с двумя "л" или с одним? Это все, что мне надо.

Шуберт /без колебаний/. С двумя.

Полицейский /более холодно/. Так я и думал.

/Ничего не говоря, он решительно проходит в комнату. Мадлен и Шуберт идут за ним следом. Полицейский подходит к столу, берет один из стульев и садится. Мадлен и Шуберт остаются стоять по обе стороны от него. Полицейский кладет портфель на стол, открывает его,

затем достает из него большую пачку сигарет, закуривает; неторопливо закидывает ногу за ногу/. Так, значит, вы были знакомы с моею Малло?

Произнося эту фразу, он смотрит сперва на Мадлен, а затем задерживает взгляд на Шуберте.

Ш у б е р т /заинтригованный/. Нет, я не был с ним знаком. Полицейский. Тогда откуда вы знаете, что Малло пишется с двумя "л"?

Ш у б е р т /удивленно/. Откуда я знаю?... Откуда я знаю?... Откуда я знаю?... Я не знаю, откуда я знаю!

М а д л е н /Шуберту/. Что с тобой? Почему ты не отвечаешь? Когда мы одни, тебя не остановишь, мелешь, словно мельница... болтаешь без умолку, даже кричишь... /Полицейскому/. Вы бы его просто не узнали! В интимной обстановке он становится более развязным.

П о л и ц е й с к и й. Буду иметь это в виду.

М а д л е н /полицейскому/. И все-таки я его люблю. Это мой муж. /Шуберту/. Отвечай, знал ты Малло или нет? Постарайся вспомнить.

Ш у б е р т /в течение нескольких минут изо всех сил, но безрезультатно напрягает память. Мадлен явно недовольна. Полицейский остается невозмутимым/. Знал или нет? Не могу вспомнить.

П о л и ц е й с к и й /Мадлен/. Мадам, снимите ему галстук, так будет лучше.

Ш у б е р т /полицейскому/. Благодарю. /Мадлен, которая развязывает галстук/. Благодарю, Мадлен.

П о л и ц е й с к и й /Мадлен/. И ремень тоже, и шнурки

Мадлен расстегивает Шуберту ремень, развязывает шнурки ботинок.

Ш у б е р т /полицейскому/. Вы очень любезны, мсье. Теперь мне больше не давит.

П о л и ц е й с к и й /Шуберту/. Итак...

М а д л е н /Шуберту/. Итак...

Ш у б е р т. Дышится гораздо легче. И двигаться свободнее. А вспомнить не могу.

П о л и ц е й с к и й /Шуберту/. Ну, старина, вы же не ребенок.

М а д л е н /Шуберту/. Да, дорогой, ты не ребенок. Слышишь, что тебе говорят? Ты меня приводишь в отчаяние.

П о л и ц е й с к и й /раскачиваясь на стуле, Мадлен/.
Принесите мне кофе.

М а д л е н. С удовольствием, сейчас готовлю. Осторожно, мсье, не качайтесь, а то можете упасть.

П о л и ц е й с к и й /продолжая раскачиваться/. Не беспокойтесь, Мадлен. /С двусмысленной улыбкой, Шуберту/. Так ее, кажется, зовут? /Мадлен/. Не беспокойтесь, Мадлен, я привык... Кофе покрепче и побольше сахара!

М а д л е н. Трех кусков хватит?

П о л и ц е й с к и й. Десять! И чуть-чуть коньяку.

М а д л е н. Хорошо.

Мадлен выходит из комнаты в левую дверь. Из-за

кулис доносится шум кофемолки, сначала очень громкий, почти заглушающий голоса полицейского и Шуберта, затем все более и более слабый.

Ш у б е р т. Так значит, мсье, вы как и я, убежденный сторонник "системы безразличия?" Рад узнать, что в области искусства у нас также сходные вкусы, поскольку вы разделяете принципы авангардистской драматургии.

П о л и ц е й с к и й. Сейчас речь идет не об этом. /Он достает из кармана фотографию и подает ее Шуберту/. Ну-ка, поройся как следует в памяти и скажи: это Малло? /Голос полицейского становится все более грубым/. Он или не он?

Прожектор освещает в левом конце авансцены большой портрет, который до сих пор скрывался в тени и не был виден. Это портрет мужчины, отдаленно напоминающий последующее описание Шуберта. Действующие лица, естественно, не обращают на освещенный портрет никакого внимания, словно его вообще нет. После реплики Шуберта прожектор гаснет. Портрет можно заменить неподвижно стоящим актером.

Ш у б е р т /внимательно разглядывая фотографию/. Мужчина лет пятидесяти... давно не брился... на груди табличка... номер 58 614... да... 58 614...

Прожектор гаснет, портрет на авансцене исчезает.

П о л и ц е й с к и й. Это Малло? Отвечай! Я лду.

Ш у б е р т /после минуты молчания/. Видите ли, господин инспектор...

П о л и ц е й с к и й. Господин главный инспектор!

Ш у б е р т. Прошу прощения... Господин главный инспектор, видите ли, я не могу понять, он это или не он. Как я его узнаю— без галстука, в расстегнутой рубашке, с опухшим лицом... Мне кажется, впрочем... мне кажется... возможно, это он... да/да... наверное, это он...

П о л и ц е й с к и й. Когда ты с ним познакомился и о чем он с тобой говорил?

Ш у б е р т /опускаясь на стул/. Простите меня, господин главный инспектор, я ужасно устал.

П о л и ц е й с к и й. Я спрашиваю, когда ты с ним познакомился и о чем он с тобой говорил?

Ш у б е р т. Когда я с ним познакомился? /Он сжимает голову руками/. О чем он со мной говорил? О чем он со мной говорил? О чем он со мной говорил?

П о л и ц е й с к и й. Отвечай!

Ш у б е р т. О чем он со мной говорил?... О чем он со мной... В самом деле, когда же я с ним познакомился?... Когда встретил его впервые?... Когда видел в последний раз?...

П о л и ц е й с к и й. Отвечай, а не спрашивай!

Ш у б е р т. Где это было? Где?... где?... В детском саду? В школе?... В армии?... На его свадьбе?... На моей свадьбе?... Может быть, я был его крестным отцом?... Или он моим?... Кажется, нет...

П о л и ц е й с к и й. Так ты не хочешь вспомнить?

Ш у б е р т. Постойте!.. Я вспоминаю... Это было давно...

Берег моря, сумерки, вечерняя сырость, мрачные скалы... /Поворачивает голову в ту сторону, куда ушла

Мадлен/. Мадлен! Кофе господину главному инспектору!

М а д л е н /входит/. Кофе еще не готов.

Ш у б е р т /Мадлен/. Ну же, Мадлен, поскорее.

П о л и ц е й с к и й /ударяя кулаком по столу/. Ты очень любезен, но это тебя не касается! Займись лучше своим делом! Ты только что рассказывал про берег моря. Продолжай! /Шуберт молчит/. Ты меня слышишь?

М а д л е н /Шуберту/. /Восхищенная и испуганная властным видом полицейского/. Мсье спрашивает, слышишь ли ты его. Отвечай!

Ш у б е р т. Да, мсье.

П о л и ц е й с к и й. Что - да?

Ш у б е р т. Да, кажется, я познакомился с ним в этом месте. Мы были тогда совсем молоды.

Мадлен, походка и голос которой после возвращения изменились, сбрасывает старую одежду и оказывается в декольтированном платье. Она становится совсем другой, и даже голос ее звучит нежнее и мелодичнее.

Ш у б е р т. Нет, нет! Я его там не видел...

П о л и ц е й с к и й. Ты его там не видел? Ты его там не видел! Подумать только! А где ты его видел? В баре? Пьяница! И это называется женатый мужчина!

Ш у б е р т. Я подумал как следует и пришел к выводу,
что Мадлен с двумя "л" должен находиться внизу...
в самом низу...

П о л и ц е й с к и й. Ну так спускайся вниз!
М а д л е н /нежным голосом/. В самом низу, в самом низу,
в самом низу, в самом низу...

Ш у б е р т. Там, наверное, темно и ничего не видно.

П о л и ц е й с к и й. Я буду тобой руководить. Слушай
мои команды, — и окажешься в самом низу.

Ш у б е р т. Я и так уже слишком низко.

П о л и ц е й с к и й /сурово/. Этого мало!

М а д л е н. Этого мало, дорогой, этого мало, любовь моя!
/Она ласково и почти непристойно обнимает Шуберта,
затем опускается перед ним и заставляет его нагнуться.
/Нагнись! Осторожно, не упади! Ступеньки мокрые
... /Мадлен поднимается./ Держись за перила... спус-
кайся... ниже... ниже... если любишь меня... ниже...
ниже...

Шуберт опирается о руку Мадлен, словно о пери-
ла, и делает вид, что спускается по ступень-
кам. Мадлен убирает руку. Шуберт не замечает эт-
того и, продолжая опираться о воображаемые
перила, спускается по ступенькам к Мадлен. Его
лицо принимает похотливое выражение. Неожидан-
но он останавливается, протягивает руку впе-
ред, смотрит на пол и вокруг себя.

Ш у б е р т. Кажется, здесь.

П о л и ц е й с к и й. Где?

Ш у б е р т. Мадлен!

М а д л е н /отступает к дивану и зовет его нежным голосом/. Я здесь... я здесь... ниже... ступенька... шаг... ступенька... шаг... ступенька... ку-ку! .. ку-ку! ..
/Она ложится на диван./ Милый! ..

Шуберт идет к ней хихикая. Мадлен некоторое время остается лежать в соблазнительной позе. Она улыбается, протягивает руку Шуберту и напевает.

М а д л е н. Ля-ля-ля... ля-ля-ля...

Шуберт стоит рядом с диваном и протягивает руки к Мадлен, словно она очень далеко. Он первоначально посмеивается, слегка раскачивается на одном месте и зовет ее задыхающимся голосом. Сцена продолжается несколько минут, в течение которых Мадлен то и дело прерывает свое пение и соблазнительно смеется.

Ш у б е р т. Мадлен! Мадлен! Я иду... Это я, Мадлен...
это я... сейчас... сейчас...

П о л и ц е й с к и й. Он уже спустился по первым ступенькам... Теперь нужно, чтобы он начал погружаться..
Пока все хорошо.

Реплика полицейского прерывает любовную сцену. Мадлен поднимается с дивана. Некоторое время ее голос остается мелодичным и чувственным, но вскоре становится ворчливым, как прежде. Мадлен направляется вглубь сцены, постепенно приближаясь к полицейскому. Шуберт безвольно опускает руки и медленно, словно автомат, идет по направлению к полицейскому.

П о л и ц е й с к и й /Шуберту/. Ты должен спуститься еще ниже.

М а д л е н /Шуберту/. Ниже, любовь моя, ниже... спускайся... ниже... ниже...

Ш у б е р т. Там темно.

П о л и ц е й с к и й. Думай о Малло, напряги зрение. Ищи Малло.

М а д л е н /почти поет/. Ищи Малло, Малло, Малло...

Ш у б е р т. Я иду по грязи. Грязь прилипает к моим ногам. Какие они тяжелые! Я боюсь поскользнуться...

П о л и ц е й с к и й. Не бойся... Спускайся... поверни направо... налево...

М а д л е н /Шуберту/. Ниже, дорогой, ниже.

П о л и ц е й с к и й. Ниже, направо, налево, направо, налево. /Шуберт, подчиняясь приказаниям полицейского, продолжает свой сомнамбулический спуск. В это время Мадлен поворачивается спиной к зрительному залу, набрасывает на плечи шаль и горбится, становясь похожей на старуху. Ее плечи содрогаются от беззвучных рыданий./ Прямо!

Шуберт поворачивается к Мадлен. У него горестный вид, руки сложены вместе.

Ш у б е р т. Мадлен, неужели это ты? Боже мой! Что с тобой? Не может быть! Несчастливая моя старушка, бедная старая кукла... это ты... но как изменилась! Когда ты успела, когда? Почему тебе не помешали?..

Помнишь, в то раннее утро вдоль дороги цвели цветы. На все небо сияло яркое солнце. Твой смех звучал, словно ручеек. Нас окружали друзья, и все мы носили новые одежды. Никто еще не умер. Ты не умела плакать. И вдруг наступила зима. Дорога опустела. Где все теперь, где они? Вдоль дороги, в могилах. Нас ограбили, у нас украли радость. Я хочу, чтобы она вернулась. Увы, это невозможно. Мадлен, поверь, я не виноват в твоей старости. Нет... я не хочу, не хочу... Любовь не может умереть, любовь всегда молода. Я не изменился с тех пор. И ты такая же, как прежде. Ах, нет, нет, я не могу тебя обманывать, ты состарилась... Боже, как ты состарилась! Отчего? Старуха, старуха, старуха... старушенция, старая кукла... Вспомни: наша молодость, дорога... Мадлен, девочка моя, я куплю тебе новое платье, бусы, подснежники. Ты помолодеешь... я хочу этого... я тебя люблю... а ведь любимые не старятся... я тебя люблю... стань молодой, сбрось эту старую маску, взгляни мне в глаза. Рассмейся, расмейся, моя девочка, твои морщины разглядятся и исчезнут... Ах, если бы мы снова могли бегать и петь... Я молод. Мы молоды.

Повернувшись спиной к залу, он берет Мадлен за руку, и они принимают петь и бегать. Их старческие голоса прерываются, смешиваются с рыданиями.

Ш у б е р т /Мадлен неразборчиво вторит ему/. Весенние ручьи... свежая листва... волшебный ночной сад...

грязь на его дорожках... наша любовь в грязи... наша утраченная молодость... прозрачные ручьи слез... ручьи жизни... источники бессмертия... цветы в грязи.

П о л и ц е й с к и й. Это все не то, совсем не то... Ты зря теряешь время, ты забыл о малло, остановимся, задержался... лентяй!.. ты идешь не в ту сторону... Если Малло не видно в листе или в ручье, не останавливайся, иди дальше. Надо спешить. За это время он успеет черт знает куда убежать. Ты слишком расчувствовался... ты сам себя расстроил... остановился... Нельзя расстраиваться, нельзя останавливаться... /После первых слов полицейского Мадлен и Шуберт перестают петь. Мадлен поворачивается и выпрямляется./ Кто расстраивается, тот останавливается.

Ш у б е р т. Я больше не буду, господин главный инспектор.

П о л и ц е й с к и й. Это мы еще посмотрим. Спускайся... ниже... поворот... ниже... поворот...

Шуберт продолжает свой спуск, а Мадлен становится такой, как прежде.

Ш у б е р т. Господин главный инспектор, может быть хватит?

П о л и ц е й с к и й. Нет. Спускайся ниже.

М а д л е н. Смелее!

Ш у б е р т /его глаза закрыты, руки вытянуты/. Я падаю... я поднимаюсь... падаю... поднимаюсь...

П о л и ц е й с к и й. Не надо подниматься.

М а д л е н. Не надо подниматься, дорогой.

П о л и ц е й с к и й. Ищи Малло... Малло с двумя "л"...

Ты видишь Малло? Ты к нему приближаешься?

М а д л е н. Малло... Малло-о-о-о...

Ш у б е р т /по-прежнему с закрытыми глазами/. Я широко открыл глаза...

П о л и ц е й с к и й. Не собираешься ли ты читать?

М а д л е н. Спускайся, дорогой, спускайся...

П о л и ц е й с к и й. Дотронься до него... схвати его...
вытяни руки... иди наощупь... не бойся...

Ш у б е р т. Я ищу.

П о л и ц е й с к и й. Его нет даже на глубине тысячи метров.

М а д л е н. Спускайся, не бойся.

Ш у б е р т. Туннель завален.

П о л и ц е й с к и й. Спускайся.

М а д л е н. Глубже, дорогой мой.

П о л и ц е й с к и й. Ты еще можешь говорить?

Ш у б е р т. Грязь доходит мне ~~до~~ до шеи.

П о л и ц е й с к и й. Этого мало. Не бойся грязи. Тебе еще далеко до Малло.

М а д л е н. Глубже, дорогой, в самую гущу...

П о л и ц е й с к и й. Опусть подбородок... так... теперь рот...

М а д л е н. И рот тоже. /Шуберт издает приглушенное бульканье/. Ну, еще ниже, еще...

Бульканье Шуберта.

П о л и ц е й с к и й. Теперь нос...

М а д л е н. Нос...

Все это время Шуберт жестами изображает погружение.

П о л и ц е й с к и й. Глаза...

М а д л е н. Он открыл в грязи один глаз. Я вижу ресницы.

/Шуберту/. Любимый, теперь опусти голову...

М а д л е н /Шуберту, громко/. Опусти голову, любимый...

Ниже! /Полицейскому/. Он и раньше плохо слышал.

П о л и ц е й с к и й. Еще виден краешек его уха.

М а д л е н /кричит Шуберту/. Дорогой... опусти ухо!

П о л и ц е й с к и й /Мадлен/. И волосы видна.

М а д л е н. Дорогой, волосы видно! Ниже! Протяни руки...

раздвинь пальцы... плыви в грязи... догони Малло...

Ниже... ниже...

П о л и ц е й с к и й. Тебе нужно добраться до дна. Мад-

лен права. В самой глубине ты найдешь Малло.

Молчание. Шуберт опустился очень глубоко. Он движется с трудом, глаза его закрыты. Он на дне.

М а д л е н. Его не слышно.

П о л и ц е й с к и й. Он преодолел звуковой барьер.

Затемнение. Слышны голоса действующих лиц, но их самих не видно.

М а д л е н. Ах, бедный мой! Мне страшно. Я не слышу тебя.

П о л и ц е й с к и й /Мадлен, строго/. Мы его еще услы-

шим. Сейчас же перестань жаловаться.

Свет. На сцене только Мадлен и полицейский.

М а д л е н. Его больше не видно.

П о л и ц е й с к и й. Он преодолел световой барьер.

М а д л е н. Он в опасности! Он в опасности! Зачем я на это согласилась?

П о л и ц е й с к и й. Мадлен, твоё сокровище к тебе вернется. Может быть, не очень скоро, но вернется.

М а д л е н /плачет/. Зачем я согласилась? Зачем я это сделала? Мой милый... в каком он сейчас состоянии!

П о л и ц е й с к и й /Мадлен/. Мадлен, замолчи! Перестань бояться... ведь ты со мной... Мы одни, моя красавица!

Он обнимает Мадлен, затем отходит.

М а д л е н /плачет/. Что мы наделали!.. Но ведь это необходимо... Ведь все это законно...

П о л и ц е й с к и й. Ну, конечно, Мадлен... не бойся. Будь мужественной. Я тоже его люблю.

М а д л е н. Правда?

П о л и ц е й с к и й. Он вернется к нам в обход... Он возродится в нас. /Из-за кулис раздаются стоны/. Слышишь? Это его дыхание.

М а д л е н. Да, это его дыхание.

Затемнение. Свет. Шуберт идет по сцене. Он один.

Ш у б е р т. Я вижу... вижу...

Шуберт тяжело дышит. Он уходит направо, в то время как Мадлен и полицейский возвращаются на сцену слева. Они стали совершенно другими.

М а д л е н. Ты- негодяй! Всю жизнь ты мучил и унижал меня. Превратил в старуху. Ты меня погубил. Видеть тебя не могу!

П о л и ц е й с к и й. Что же ты собираешься делать?

М а д л е н. Я покончу с собой, отравлюсь.

П о л и ц е й с к и й. Ты свободна. Не буду тебе мешать.

М а д л е н. Я знаю, ты рад от меня избавиться, ты просто счастлив. Ты ведь хочешь от меня избавиться? Скажи, хочешь?

П о л и ц е й с к и й. Ну, не такой же ценой! Хотя чудесно обойдусь без тебя и без твоих жалоб. Ты мне надоела. Ты ничего не понимаешь в жизни. Ты всем надоела.

М а д л е н /рыдая/. Чудовище!

П о л и ц е й с к и й. Перестань плакать, а то станешь еще страшнее.

Шуберт вновь появляется на сцене и издали наблюдает за происходящим. Он в отчаянии выламывает себе руки и шепчет: Папа... мама... папа... мама...

М а д л е н /вне себя/. Ну, это слишком! Хватит с меня.

Она достает из-за корсажа маленький флакон и подносит к губам.

П о л и ц е й с к и й. Ты с ума сошла! Не делай этого!
Не смей!

Полицейский бросается к Мадлен и хватает ее за руку. Неожиданно выражение его лица меняется. Он силой заставляет Мадлен выпить яд.
Шуберт издает крик. Затемнение. Снова свет.
Шуберт один на сцене.

Ш у б е р т. Мне восемь лет. Сейчас вечер. Мама ведет меня за руку. Это улица Блуме после бомбардировки. Мы идем вдоль развалин. Мне страшно. Мамина рука дрожит. Между развалин появляются силуэты. Их глаза поблескивают в полумраке.

Молча выходит Мадлен и направляется к Шуберту.
Это его мать.

П о л и ц е й с к и й /медленно подходит с другой стороны/
Посмотри, может быть Малло здесь?

Ш у б е р т. Их глаза угасли. Все погружается в темноту, лишь закат светит вдали. В темноте мамы не видно.
Ее рука куда-то исчезла. Я слышу ее голос.

П о л и ц е й с к и й. Она должна напомнить тебе о Малло.

Ш у б е р т. Она говорит грустно: Сынок, я уйду от тебя... много слез тебе придется пролить, мой птенчик...

М а д л е н /с нежностью в голосе/. Сынок, птенчик...

Ш у б е р т. Я остаюсь один, в ночи, в грязи...

М а д л е н. Бедный сыночек... в ночи, в грязи, совсем один, мой птенчик...

Ш у б е р т. Я слышу в темноте ее голос и дыхание. Она говорит...

М а д л е н. Сын, нужно уметь прощать... Это самое трудное в жизни...

Ш у б е р т. Это самое трудное...

М а д л е н. Это самое трудное...

Ш у б е р т. Она говорит снова...

М а д л е н. ...Наступит и у тебя время слез, сожалений, раскаяния... Ты будешь очень страдать, если не станешь добрым, если не научишься прощать. Если встретишь его, подойди к нему первый, обними, прости...

Мадлен молча уходит.

Шуберт стоит рядом с полицейским, который, обхватив голову руками, неподвижно сидит за столом.

Ш у б е р т. Ее голос замирает... /Шуберт обращается к полицейскому/. Отец, мы никогда не понимали друг друга. Можешь ты хоть раз меня выслушать? Отец, прости нас, как мы простили тебя... Взгляни на меня, /Полицейский неподвижен/. Ты был грубым человеком, но не злым. Возможно, ты ни в чем не виноват. Пойми, я не тебя ненавидел, а твою жестокость, твой эгоизм! У меня не было ни капли жалости к твоим слабостям. Ты меня бил. Но я был сильнее тебя. Я унижал тебя своим презрением. Правда? Слушай... Я должен был отомстить за мать, таков был мой долг. Она тебя простила, но я продолжал мстить... Ради чего? Ведь больше всех страдает мститель... Ты слышишь? Подними голову! Дай мне руку... Мы могли стать настоящими друзьями. Ты был буржуа, но дело не в этом. Я прези-

рал тебя и был неправ. Разве я лучше? Кто дал мне право судить? /Полицейский неподвижен/. Давай помиримся! Дай руку! Будем друзьями! Выпьем вместе... Взгляни на меня. Видишь, как я на тебя похож?... Ты не хочешь?... Если бы ты посмотрел, ты бы увидел, как я на тебя похож. У меня все твои недостатки. /Молчание./ Безжалостный! Кто же меня пожалеет? Даже если ты меня простишь, я сам себя не прощу!

В то время, как полицейский остается неподвижным с противоположного конца сцены раздается голос полицейского, записанный на пленку. В течение последующего монолога Шуберт стоит неподвижно, опустив руки вниз. Временами им овладевают приступы отчаяния.

Г о л о с п о л и ц е й с к о г о. Сын мой, я служил коммивояжером в торговой фирме. Работа вынуждала меня скитаться по всему свету. С октября по март я проводил в северном полушарии, с апреля по сентябрь — в южном, так что в жизни моей была одна зима. Я получал очень мало денег, плохо одевался, у меня было слабое здоровье. Мои конкуренты богатели, а покровители становились банкротами или умирали от позорных болезней и нелепых случайностей. Я не знал в жизни ничего кроме неприятностей. Добро, которое я делал людям, превращалось в зло, а зло, которое мне творили, оставалось злом. Когда началась война, я оказался в армии. Там я научился убивать по приказу и убивал неприятельских солдат, женщин, детей, стариков... Мой родной город и все его ок-

рестирсти были разрушены до основания. Война кончилась, но моим несчастьям не было конца. Я стал бояться людей, я возненавидел землю, солнце, звезды... Я готов был бежать в другую вселенную, но ее не оказалось...

Ш у б е р т /в прежней позе/. Он даже не смотрит на меня, не хочет со мной говорить...

Г о л о с п о л и ц е й с к о г о /сам полицейский находится в прежней позе/. Ты родился, сын мой, как раз в тот момент, когда я собирался уничтожить нашу планету. Твое рождение спасло ее. Ты помешал мне покончить с миром, помирил меня с человечеством, связал с его историей, преступлениями, несчастьями, надеждами и разочарованиями. Я стал бояться за его судьбу... и за твою тоже...

Ш у б е р т /та же игра, полицейский находится в прежней позе/. И я никогда не узнаю...

Г о л о с п о л и ц е й с к о г о. Как только ты родился, я оказался безоружным... я почувствовал себя счастливым и несчастным... мое каменное сердце превратилось в тряпку... у меня закружилась голова... мной одолели угрызения совести- ведь раньше я не хотел, чтобы ты родился... Тебя могло не быть, тебя могло не быть! Небывалый страх овладевал мною, я с ужасом думал о тех миллиардах детей, которые могли родиться, но не родились... о бесчисленных головках которые никто никогда не погладит, о маленьких ручонках, которые ни к кому не протянутся, о крошечных

губках, которые не пролепечут ни слова... Я хотел заполнить пустоту жизнью... Я думал о всех этих крошечных созданиях, которые не родились, и оплакивал их, словно настоящих покойников.

Ш у б е р т /та же игра, прежняя поза полицейского/. Он так и не скажет мне ничего!

Г о л о с п о л и ц е й с к о г о. И в то же время мной овладевала бьющая через край радость... ведь ты- был жив! Мой сын, мое дитя... звезда, мерцающая над океаном мрака... островок жизни, окруженный пустотой... бытие, уничтожающее ничто... Я во слезами целовал твои глаза и повторял: Боже мой! Боже мой!.. Как я благодарил Бога за то, что он сотворил мир, за то, что он создал всемирную историю... ведь не будь этого- не было бы и тебя, сын мой... Не будь всей этой бесконечной цепи причин и следствий, всех этих войн, революций и потоков, всех социальных, геологических и космических катастроф, всех этих следствий из всеобщих законов- ты бы не родился... Я благодарил Бога за все свои несчастья и за несчастья всех людей, за все зло и добро, за унижения и страхи за тревоги, за вселенскую тоску... твоё рождение искупило в моих глазах все зло мира. Из любви к тебе я простил миру его греховность. Мир был оправдан, так как ничто уже не могло перечеркнуть факта твоего рождения. Даже если бы тебя не стало, это ничего бы не изменило, поскольку ты- был. Тебя навечно внесли в списки вселенной, которые Бог хранит в своей вечной памяти.

Ш у б е р т /та же игра, прежняя поза полицейского/. Он никогда не скажет, никогда, никогда...

Г о л о с п о л и ц е й с к о г о /меняя тон/. А ты... Чем больше я тебя любил, чем больше тобой гордился — тем больше ты меня ненавидел. Ты обвинял меня в преступлениях, которых я никогда не совершал. Твоя бедная мать... Ты ведь не знаешь, что между нами произошло... ты не знаешь, кто во всем виноват — я или она...

Ш у б е р т /та же игра, прежняя поза полицейского/. Он ничего не говорит... это я во всем виноват, я...

Г о л о с п о л и ц е й с к о г о. Ты правильно сделал, что отрекся от меня... ты был прав, когда краснел, услышав мое имя... Но я больше не хочу этого. Достаточно ненависти. Я прощаю тебя, прощаю, несмотря ни на что. Я обязан тебе большим, чем ты мне. Я не хочу, чтобы ты страдал, не хочу, чтобы чувствовал себя виновным. Забудь о своей вине... забудь обо всем, в чем считаешь себя виновным...

Ш у б е р т. Отец, почему ты молчишь, почему не хочешь ответить? Я никогда не услышу твой голос... Никогда никогда, никогда... Я никогда больше не узнаю...

П о л и ц е й с к и й /внезапно поднимаясь, Шуберту/. Ладно, хватит плакаться! Оставь свои личные истории в покое. Займись Малло. Иди по его следам и ни о чем другом не думай. Нас интересует Малло. Все остальное — неважно

Ш у б е р т. Господин главный инспектор, понимаете, я

хотел только узнать... Это были мои родители...

П о л и ц е й с к и й. Ах, эти комплексы! Как они мне надоели! Папа, мама, сыновья жалость... Меня это не касается, мне за это не платят... Иди дальше!

Ш у б е р т. Спускаться ниже, господин главный инспектор?

Он, словно слепой, нащупывает путь ногой.

П о л и ц е й с к и й. Рассказывай обо всем, что увидишь.

Ш у б е р т /передвигаясь наощупь/. Ступенька справа...

ступенька слева... слева... слева... слева...

П о л и ц е й с к и й /Мадлен, которая появляется справа/

Осторожно, мадам, здесь ступеньки!

М а д л е н. Благодарю вас, дорогой. Я чуть не упала...

Полицейский и Мадлен превращаются в театраль-
ных зрителей.

П о л и ц е й с к и й /устремляясь к Мадлен/. Держитесь
за мою руку.

Полицейский и Мадлен собираются сесть. Шуберт
исчезает в полутьме и появляется на противо-
положном конце сцены около небольшой эстрады.

П о л и ц е й с к и й /Мадлен/. Садитесь, пожалуйста. Ус-
траивайтесь поудобнее. Скоро начнется. Здесь каждый
вечер устраивают представление.

М а д л е н. Хорошо, что мы заказали билеты заранее.

П о л и ц е й с к и й. Садитесь сюда.

Он ставит рядом два стула.

М а д л е н. Благодарю вас, дорогой. Это хорошие места?
Отсюда все видно? А слышно как? У вас есть бинокль?

На эстраде появляется Шуберт. Он продвигается
наощупь.

П о л и ц е й с к и й. Вот он...

М а д л е н. Ах, как замечательно... какой чудесный актер!
Наужели он и правда слепой?

П о л и ц е й с к и й. Не знаю. Говорят, что да.

М а д л е н. Ведняга! /Полицейскому/. Вы хотите, чтобы
я сняла шляпу? Но ведь она никому не мешает!

П о л и ц е й с к и й. Тихе, тихе.... Я не слышу, что он
говорит.

М а д л е н /полицейскому/. Наверное, потому что он- не-
мой.

Ш у б е р т /на эстраде/. Где я?

М а д л е н /полицейскому/. Где он?

П о л и ц е й с к и й /Мадлен/. Потерпите! Он сам все
скажет. Это слова его роли.

Ш у б е р т. ...какие-то улицы... дороги... озера... ка-
кие-то люди... ночь... небеса... какой-то мир...

М а д л е н /полицейскому/. Что он сказал?.. Какие-то
что?

П о л и ц е й с к и й /Мадлен/. Какие-то что-то...

М а д л е н /громко, Шуберту/. Громче!

П о л и ц е й с к и й /Мадлен/. Замолчите! Здесь нельзя
кричать....

Ш у б е р т. Тени зашевелились....

М а д л е н /полицейскому/. Как нельзя? За что же мы хлещем

тогда платили? За что будем хлопать? /Шуберту, еще громче/. Громче!

Ш у б е р т /продолжая свою игру/. ...тоска... пустота... обломки вселенной...

М а д л е н /полицейскому/. Что он сказал?

П о л и ц е й с к и й /Мадлен/. Он сказал: обломки вселенной...

Ш у б е р т /та же игра/. Зияющая игла дыра...

П о л и ц е й с к и й /на ухо Мадлен/. Зияющая дыра...

М а д л е н /полицейскому/. Он ненормальный. Он сошел с ума.

Ш у б е р т /продолжая игру/. Смириться... смириться... тусклый свет... темные звезды... непонятная боль мучает меня...

М а д л е н /полицейскому/. Что за актер исполняет эту роль?

П о л и ц е й с к и й. Шуберт.

М а д л е н /полицейскому/. Композитор?

П о л и ц е й с к и й /Мадлен/. Успокойтесь.

М а д л е н /очень громко, Шуберту/. Громче!

Ш у б е р т. Мое лицо промокло от слез. Где Красота? Где Добро? Где любовь? Я все забыл...

М а д л е н. Как не вовремя. Суфлера-то нет.

Ш у б е р т /в отчаянии/. ...мои игрушки... они разлетелись на куски... мои детские игрушки сломались...

М а д л е н. Какое ребячество!

П о л и ц е й с к и й /Мадлен/. Вы, кажется, правы.

Ш у б е р т. Я- старик... старик...

М а д л е н. Совсем не похож. Хочет, наверное, чтобы его пожалели.

Ш у б е р т. Прежде... когда-то...

М а д л е н. О чем это он?

П о л и ц е й с к и й /Мадлен/. Должно быть, вспоминает
свое прошлое.

М а д л е н. Если все начнут вспоминать свое прошлое,
что из этого получится? Нам тоже есть что сказать,
но мы же молчим. Из скромности...

Ш у б е р т. Поднимается сильный ветер...

Он громко вздыхает.

М а д л е н. Он плачет...

П о л и ц е й с к и й. Он подражает шуму ветра... в лесу.

Ш у б е р т /продолжая свою игру/. Ветер раскачивает де-
ревья, молнии освещают темную чащу, на горизонте
поднимается огромный мрачный занавес...

М а д л е н. Что? Что?

Ш у б е р т /продолжая свою игру/. ...и в сумерках, под
стоны бури, словно удивительный сон, появляется вол-
шебный град...

М а д л е н /полицейскому/. Что?

П о л и ц е й с к и й. Град! Град!

М а д л е н. Понятно.

Ш у б е р т /продолжая свою игру/. ...волшебный сад,
заметнувшийся фонтан, в ночи горящие цветы...

М а д л е н. Он, конечно, считает себя поэтом! Какая без-
дарная эклектика! Смесь символизма, сюрреализма, и
эстетизма!

Ш у б е р т /та же игра/. ...дворец из ледяного пламени,

светящиеся статуи, плавающие моря, сверкающие материки, среди снежных океанов...

М а д л е н. Он- комедиянт! Идиот! Это недопустимо! Он- аферист!

П о л и ц е й с к и й /кричит Шуберту/. Не видишь ли ты черную тень Малло? Или его светящийся силуэт, появляющийся из темноты?

Ш у б е р т. Огни гаснут, дворец темнеет, все покрывает мрак.

П о л и ц е й с к и й. Скажи нам, хотя бы, что ты чувствуешь? Каковы твои впечатления? Расскажи о них!

М а д л е н /полицейскому/. Дорогой, не лучше ли провести остаток вечера в кабаре?...

Ш у б е р т /продолжая свою игру/. ...радость... от страдания... тоска... успокоение... от изобилия... от пустоты... безнадежная надежда... Я чувствую себя сильным... слабым... несчастным... счастливым... я чувствую... я чувствую себя... я себя чувствую...

М а д л е н /полицейскому/. Одни противоречия.

П о л и ц е й с к и й /Шуберту/. Дальше! дальше! /Мадлен/ Одну минуту, дорогая, прошу прощения...

Ш у б е р т /громко кричит/. Неужели и это погибнет?.. Неужели и этого не будет?.. Ночь окружает меня. С трудом взлетает в воздух одинокая бабочка света...

М а д л е н /полицейскому/. Дорогой, но ведь это- шарлатанство...

Ш у б е р т. ...последняя искра...

М а д л е н /хлопает, в то время как занавес на эстраде опускается/. Весьма банально. А ведь постановка

могла быть интереснее... или хотя бы назидательнее...
П о л и ц е й с к и й /Шуберту, который находится за занавесом/. Нет, нет! Иди дальше! /Мадлен/. Кажется, он заблудился. Надо указать ему правильный путь.
М а д л е н. Вызовем его.

Они хлопают.

Из-за занавеса на эстраде появляется голова Шуберта и тут же исчезает.

П о л и ц е й с к и й. Шуберт! Шуберт! Шуберт! Надо найти Малло! Пойми меня правильно. Это вопрос жизни и смерти. Твой долг. В твоих руках - судьба всего человечества. Постарайся вспомнить, ведь это нетрудно! /Мадлен/. Он слишком низко опустился. Надо, чтобы он немного поднялся... в наших глазах...

М а д л е н /робко, полицейскому/. Как он себя чувствует?

П о л и ц е й с к и й /Шуберту/. Шуберт, где ты? Где ты?

Эстрада исчезает.

Шуберт появляется в другом месте.

Ш у б е р т. Я переставляю свои воспоминания.

П о л и ц е й с к и й. Переставляй их строго по порядку.

М а д л е н /Шуберту/. Переставляй их строго по порядку.

Слушай, что тебе говорят.

Ш у б е р т. Вот я и снова наверху.

П о л и ц е й с к и й. Чудесно, мой друг, чудесно.

Ш у б е р т /Мадлен/. А ты что-нибудь вспомнила?

П о л и ц е й с к и й /Мадлен/. Как видишь, дела идут в лучшему.

Ш у б е р т. Гонфьер... Какое синее море... Нет... Сен-Мишель... Нет... Дьепп... Нет, здесь я не был... Канны... Тоже нет...

П о л и ц е й с к и й. Трувиль, Девиль...

Ш у б е р т. Здесь я никогда не был.

М а д л е н. Здесь он никогда не был.

Ш у б е р т. Колиур. Храм, воздвигнутый на волнах... И ни одного следа Монбельяра...

П о л и ц е й с к и й. Верно, Малло зовут Монбельяром. А ты делал вид, что не знаешь его!

М а д л е н /Шуберту/. Вот видишь.

Ш у б е р т /удивленно/. Черт возьми... и в самом деле... очень странно... действительно...

П о л и ц е й с к и й. Повищи его в другом месте... Начни с больших городов.

Ш у б е р т. Париж, Палермо, Пиза, Берлин, Нью-Йорк...

П о л и ц е й с к и й. На равнинах, в горах...

М а д л е н. В горах тоже...

П о л и ц е й с к и й. В Андах... Ты бывал в Андах?

М а д л е н /полицейскому/. Нет, мсье, что вы...

Ш у б е р т. Нет, не был, но я хорошо знаю географию, чтобы...

П о л и ц е й с к и й. Не надо ничего сочинять. Надо найти его. Мой друг, одно небольшое усилие...

М а д л е н. Совсем крошечное...

Ш у б е р т /в болезненном усилии/. Малло с двумя "л", Монбельяр с одним "л", с двумя "л", с одним "л"...

На противоположном конце сцены вновь появляется портрет мужчины с номером и через несколько секунд исчезает. На этот раз в его руке альпеншток или лыжи.

Ш у б е р т. Несомый течением, я пересек океан. Высадился в Испании и направился во Францию. Нарбонн, Марсель, затонувший город Экс, Арль, Авиньон с его паннами, мулами и дворцами. Вдали Монблан.

М а д л е н /которой все больше не нравится новое путешествие Шуберта/. На троим пути лес.

П о л и ц е й с к и й. Иди дальше.

Ш у б е р т. Я вхожу в лес. Как здесь прохладно! Сейчас вечер?

М а д л е н. Лес становится гуще.

П о л и ц е й с к и й. Не бойся.

Ш у б е р т. Я слышу как бьют ключи. Крылья птиц касаются моего лица. Тропинка кончилась, я иду по пояс в траве. Мадлен, дай руку.

П о л и ц е й с к и й /Мадлен/. Не давай!

М а д л е н /Шуберту/. Нельзя, он не разрешает.

П о л и ц е й с к и й /Шуберту/. Выберешься сам. Подними выше голову! Смотри!

Ш у б е р т. Солнце блестит между деревьев. Вверху голубое небо. Я иду быстро, раздвигая ветви в стороны. Неподалеку работают дровосеки, слышно, как они свистят.

М а д л е н. Возможно, это не настоящие дровосеки...

П о л и ц е й с к и й /Мадлен/. Тихе!

Ш у б е р т. Свет дня ведет меня дальше. Я выхожу из леса. Передо мной деревушка. Низенькие домики, красные крыши...

М а д л е н. Мой любимый цвет...

П о л и ц е й с к и й. Ты видишь там кого-нибудь?

Ш у б е р т. Еще очень рано. Ставни закрыты. Площадь пустынна. На площади - фонтан, статуя. Я слышу эхо своих шагов.

П о л и ц е й с к и й. Вперед! Ты уже близко. Вперед!

М а д л е н. Вперед, вперед, вперед!

Ш у б е р т. Я иду дальше. Я - на равнине, у подножья горы. Дорога ведет вверх.

П о л и ц е й с к и й. Поднимайся!

Ш у б е р т. Я поднимаюсь. Тропинка обрывается, я цепляюсь за кусты. Лес остается сзади, деревня - далеко внизу. Я иду дальше. Справа озеро.

П о л и ц е й с к и й. Выше!

М а д л е н. Тебе говорят, выше! Выше, если еще можешь. Ты ведь можешь?

Ш у б е р т. Какой крутой подъем! Колючий кустарник, камни. Я уже над озером. Вдали виднеется Средиземное море.

П о л и ц е й с к и й. Выше! Выше!

М а д л е н. Выше, тебе говорят.

Ш у б е р т. Лиса, последний зверь... слепая сова... больше ни одной птицы... Нет источников. Нет следов. Даже эха нет. Я смотрю вниз.

П о л и ц е й с к и й. Ты его видишь?

Шуберт. Передо мной пустыня.

Полицейский. Выше!

Мадлен. Выше, выше, пока можешь.

Шуберт. Я хватаюсь за камни, скольжу, цепляюсь за колючки, карабкаюсь на четвереньках... Ах, я боюсь высоты! Почему я все время должен подниматься? Почему меня заставляют делать невозможное?

Мадлен /полицейскому/. Это невозможно... Он говорит, что это невозможно... /Шуберту/. Как тебе не стыдно!

Шуберт. Я хочу пить, мне жарко, я весь вспотел.

Полицейский. Не останавливайся. Пот вытрешь позже. Поднимайся. Выше!

Шуберт. Я так устал...

Мадлен. Уже устал! /Полицейскому/. Впрочем, господин главный инспектор, это неудивительно. Он ни на что не способен.

Полицейский /Шуберту/. Лентяй!

Мадлен /полицейскому/. Он всегда был лентяем. У него никогда ничего не получалось.

Шуберт. Ни пятышка тени. Солнце так и палит. Настоящее жгучее пекло! Я задыхаюсь. Я весь горю.

Полицейский. Наверное, Малло рядом, если тебе так жарко.

Мадлен /так, чтобы ее не услышал полицейский/. Я пришлю на твое место кого-нибудь другого...

Шуберт. Передо мной новая гора. Отвесная скала без единой трещинки. Я задыхаюсь.

Полицейский. Выше! Выше!

Мадлен /очень быстро, то полицейскому, то Шуберту/.

Выше! Он задыхается. Выше! Он не может больше идти.

Лучше спускайся! Выше! Ниже! Выше!

Полицейский. Выше! Выше!

Мадлен. Выше. Ниже.

Шуберт. У меня все руки в крови.

Мадлен. Выше. Ниже.

Полицейский. Поднимайся. Коробкайся. Выше!

Выше!

Шуберт /продолжая свой подъем/. Как трудно одному!

Ах, если бы у меня был сын!

Мадлен. А мне хочется дочь. Сыновья такие неблагодарные.

Полицейский /топая ногой/. Поговорите об этом в следующий раз. /Шуберту/. Поднимайся, не теряй зря времени.

Мадлен. Выше. Ниже.

Шуберт. Я ведь всего навсего человек.

Полицейский. Так оставайся им до конца.

Шуберт. Не-е-ет! нет! Я не могу даже двинуть ногой! Я больше не могу!

Полицейский. Ну, последнее усилие!

Мадлен. Последнее усилие! Сделай его. Не делай. Сделай.

Шуберт. Ура! Наконец-то я на вершине! И ни одного следа Монбельяра.

Мадлен /полицейскому/. Господи главный инспектор, он может от нас убежать.

Полицейский /Шуберту/. Ищи, ищи.

М а д л е н /Шуберту/. Ищи, не ищи, ищи, не ищи....

/Полицейскому/. Он от нас убежит.

Ш у б е р т. Нигде нет... нигде... нигде...

М а д л е н. Чего нет?

Ш у б е р т. Деревни, долины, моря, неба... Я- один.

М а д л е н. Здесь нас было двое.

П о л и ц е й с к и й. Что такое? Что он говорит? А как же Малло? Монбельяр?

Ш у б е р т. Я бегу, едва касаясь земли.

М а д л е н. Он сейчас улетит... Шуберт! Послушай меня...

Ш у б е р т. Я- один. Я свободен. У меня больше не кружится голова. Я не боюсь смерти.

П о л и ц е й с к и й. Меня все это не касается.

М а д л е н. Подумай о нас. Одному плохо. Не оставляй нас... Сжался! Сжался! /Она превращается в нищенку/. Милостивый господин! У меня четверо детей, их нечем кормить. Муж сидит в тюрьме. Я только что вышла из больницы. Милостивый господин... милостивый господин... /Полицейскому/. Он посмотрел на меня, господин главный инспектор, он может от нас убежать: Вы понимаете?

П о л и ц е й с к и й /Шуберту/. Прислушайся к голосу человеческой солидарности. /В сторону/. Пожалуй, я чересчур его подгонял. Теперь он убежит. /Кричит/. Шуберт, Шуберт, Шуберт!.. Мой друг, мы сбились с пути!

М а д л е н. /полицейскому/. Я ведь вам говорила

П о л и ц е й с к и й /дает Мадлен пощечину/. Тебя не спрашивают!

М а д л е н /полицейскому/. Простите, господин главный инспектор.

П о л и ц е й с к и й /Шуберту/. Твой долг— найти Малло, твой долг— найти Малло... Не предавай своих друзей! Малло, Монбельяр, Малло, Монбельяр... Смотри, смотри вокруг! Почему ты не смотришь? Смотри перед собой. Слушай меня и отвечай!

М а д л е н. Отвечай!

Чтобы заставить Шуберта вернуться, Мадлен и полицейский жестами демонстрируют ему всевозможные блага повседневной и социальной жизни. Игра полицейского и Мадлен приобретает черты гротеска, а затем превращается в настоящую клоунаду.

Ш у б е р т. Июньское утро. Я дышу ветерком, который легче воздуха. Солнце исчезает в свете, который ярче солнца. Этот свет пронизывает меня насквозь. Все предметы исчезают. Я поднимаюсь... поднимаюсь. Струнящийся свет... Я поднимаюсь...

М а д л е н. Он уходит! Я ведь вам говорила, господин главный инспектор, я ведь говорила... Я не хочу, чтобы он уходил, не хочу! /Шуберту/. Возьми тогда и меня.

П о л и ц е й с к и й /Шуберту/. Не вздумай делать этого! Предатель!

Ш у б е р т /сам себе/. Я... могу... взлететь... вверх... я... могу... прыгнуть... один шаг... один только шаг...

П о л и ц е й с к и й /маршируя/. Раз, два! Раз, два! Я научил тебя обращаться с оружием. Тебя произве-

ли в каптенармуси... Не притворяйся, будто ты глухой, ты ведь не дезертир... Ты должен уважать своего унтер-офицера! Дисциплина прежде всего! /Звучит гори/. Родина, которая обучила тебя и воспитала, нуждается в тебе!.. /Другим тоном/. У тебя впереди вся жизнь, карьера!.. Ты станешь богатым и счастливым! Вот твое назначение на новую должность...

/Он протягивает Шуберту, который не глядит на него, бумагу. Мадлен/. Пока он не улетел, еще не все потеряно...

М а д л е н /Шуберту/. Золото, деньги...

П о л и ц е й с к и й. Головы твоих врагов на блюде.

М а д л е н. Ты отомстишь им, жестоко отомстишь.

П о л и ц е й с к и й. Я сделаю тебя архиепископом.

М а д л е н. Папой римским.

П о л и ц е й с к и й. Стоит тебе лишь захотеть... Новая жизнь... первые шаги... ты сумеешь полностью раскрыть свои способности...

Ш у б е р т /он никого не видит и не слышит/. Я умею летать!..

Полицейский и Мадлен хватают Шуберта.

М а д л е н. Надо добавить ему балласта!

П о л и ц е й с к и й /Мадлен/. Не лезь не в свое дело!

М а д л е н /полицейскому/. Вы сами в этом виноваты, господа! главный инспектор...

П о л и ц е й с к и й /Мадлен/. Нет, ты! Меня никто не поддерживал! Меня не поняли. У меня была неопытная помощница. Круглая идиотка.

Мадлен плачет.

М а д л е н. Ах, господин главный инспектор!

П о л и ц е й с к и е /Мадлен/. Да, идиотка! Идиотка...
идиотка... идиотка... /Неожиданно поворачивается
к Шуберту/. Весна в нашей долине прекрасная, зима-
мягкая, летом никогда не идут дожди...

М а д л е н /полицейскому, плача/. Я сделала все, что
смогла, господин главный инспектор. Я сделала все,
что смогла.

П о л и ц е й с к и й /Мадлен/. Дура! Идиотка!

М а д л е н. Вы правы, господин главный инспектор.

П о л и ц е й с к и й /Шуберту, безнадежно/. Не забудь,
что тому, кто найдет Малло, положено вознагражде-
ние. Даже если ты потерял свою честь, тебе достанетс-
я состояние, нарядная форма, награды. Чего ты еще
хочешь?

Ш у б е р т. Я хочу летать.

М а д л е н и п о л и ц е й с к и й /хватают Шу-
берта/. Нет! Нет! Нет! Не вздумай!

Ш у б е р т. Я купаюсь в потоках света. /Затемнение
на сцене/. Свет пронизывает меня насквозь. Жизнь
меня удивляет... удивляет... удивляет...

Г о л о с п о л и ц е й с к о г о /торжествующе/.

Ему не преодолеть барьер удивления!

Г о л о с М а д л е н. Осторожно, Шуберт! .. Не забудь,
что у тебя кружится голова.

Г о л о с Ш у б е р т а. Я- свет! Я летаю!

Г о л о с М а д л е н. Упади! Погасни!

Г о л о с п о л и ц е й с к о г о. Вravo, Мадлен!

Г о л о с Ш у б е р т а /тревожно/. Ах!.. Я споткнулся..

Мне больно... Я падаю...

Раздается стон Шуберта.

На сцене загорается свет.

Шуберт лежит в большой корзине для бумаг. По сторонам стоят Мадлен и полицейский. Слева у стены сидит на стуле дама, которая не обращает на происходящее никакого внимания.

П о л и ц е й с к и й /Шуберту/. Ну что, малыш?

Ш у б е р т. Где я?

П о л и ц е й с к и й. Поверни голову, болван!

Ш у б е р т. Ах, это вы, господин главный инспектор!

Как вам удалось попасть в мои воспоминания?

П о л и ц е й с к и й. Я шел за тобой следом... шаг за шагом... твоё счастье!..

М а д л е н. Да, твоё счастье!

П о л и ц е й с к и й /Шуберту/. Ну, вставай! /Пытается поднять Шуберта за уши/. Если бы меня там не было... если бы я не сумел тебя вернуть... Ты - ненадежный человек! Тебе нельзя доверять... ты слишком легкомысленный, у тебя плохая память, ты все забываешь... даже о своём долге... Ты очень тяжёлый человек, ты чересчур легкомысленный...

М а д л е н. Мне кажется, что он скорее тяжёлый.

П о л и ц е й с к и й /Мадлен/. Опять ты противоречишь!

Не люблю этого! /Шуберту/. Я тебя вылечу... Для этого я здесь и оказался...

Ш у б е р т. Кажется, я был на самой вершине... и даже выше...

Шуберт все больше становится похож на маленького ребенка.

П о л и ц е й с к и й. Тебя об этом не просили!

Ш у б е р т. Я перепутал дорогу... Мне холодно... У меня промокли ноги... И спина замерзла... У вас есть теплый свитер?

М а д л е н. Ах! У него замерзла спина!

П о л и ц е й с к и й /Мадлен/. И все из-за его непослушания.

Ш у б е р т /оправдывается, словно ребенок/. Я не виноват... Я искал его всюду и не мог найти... Я не виноват... Вы за мной следили, вы все видели... Я не обманываю...

М а д л е н /полицейскому/. Какое убожество! И как только я могла выйти за него замуж? Когда он был моложе, он производил лучшее впечатление. /Шуберту/. А теперь на кого похож? /Полицейскому/. Он- хитрый, господин главный инспектор, он притворяется... Все-таки он очень ослаб... Чтобы набраться сил, ему необходимо усиленное питание.

П о л и ц е й с к и й /Шуберту/. Ты- убожество! И как только она могла выйти за тебя замуж? Когда ты был моложе, ты производил лучшее впечатление. А теперь на кого похож? Ты- хитрый, ты притворяешься... Все-таки ты очень ослаб... Тебе необходимо

усиленное питание.

Ш у б е р т /полицейскому/. Мадлен уже говорила это. Вы повторили ее слова, господин главный инспектор...

М а д л е н /Шуберту/. И не стыдно тебе так разговаривать с господином главным инспектором?

П о л и ц е й с к и й /в гневе/. Я научу тебя вежливости! Ничтожество!

М а д л е н /полицейскому, который ее не слушает/. Я хорошо готовлю, мсье... Он хочет есть!

П о л и ц е й с к и й /Мадлен/. Мадам, вы, кажется, vadumали учить меня медицине? Я отлично знаю свою профессию. Ваш мальчик прокусил себе нос или сошел с ума. У него упадок сил. Ему необходимо усиленное питание.

М а д л е н /Шуберту/. Ты слышишь, что говорит доктор? Тебе еще повезло, что ты упал на задницу!

П о л и ц е й с к и й /в сильном гневе/. Он опять оказался там, где уже был! Вверх, вниз... вниз, вверх... вверх, вниз... какой-то порочный круг!

М а д л е н /полицейскому/. Увы, у него много всяких пороков. /Огорченно, молчаливой и безразличной даме/. Не правда ли, мадам? /Шуберту/. У тебя хватило наглости заявить господину главному инспектору, что ты не виноват.

П о л и ц е й с к и й. И уже сказав: когда надо быть легким, он тяжелый, а когда надо быть тяжелым, он легкий... он потерял равновесие... у него нет чувства реальности!..

М а д л е н /Шуберту/. У тебя нет чувства реальности.
Ш у б е р т /плачет/. Я вспомнил, что его зовут также
Марием, Мареном, Лугастеком, Перпиньяком и Маше-
крошем. Его последнее имя- Машекрош!..

П о л и ц е й с к и й. Ну вот, ты все знаешь, обманщик!
Нам обязательно надо его поймать. Соберись с сила-
ми и продолжай поиски. Ты должен идти прямо к це-
ли. /Даме/. Не правда ли, мадам? /Дама не отвеча-
ет/. Я научу тебя беречь время в пути.

М а д л е н /полицейскому/. На этот раз он выследит Маше-
кроша. Он будет первым, он не станет терять време-
ния зря.

П о л и ц е й с к и й /Шуберту/. Я дам тебе силы. Я
научу тебя слушаться.

Полицейский снова садится на стул и начинает
раскачиваться.

М а д л е н /даме/. Не правда ли, мадам?

П о л и ц е й с к и й /громко кричит Мадлен/. Ты при-
несешь мне кофе или нет?

М а д л е н. Сию минуту, господин главный инспектор.

Она идет на кухню.

В тот момент, когда Мадлен выходит, на пороге
стеклянной двери в глубине сцены появляется
Николай. Это мужчина высокого роста, с боль-
шой черной бородой, взлохмаченными волосами
и помятой одеждой. Похоже, что Николай спал
одетым и только что проснулся.

Н и к о л а й /входя/. Привет!

Ш у б е р т /рассеянно/. Это ты, Николай? Ну как, закончил свою пьесу?

Полицейский явно недоволен прибытием нового персонажа. Он с беспокойством поглядывает на Николая, вздрагивает, приподнимается на стуле и оглядывается на дверь, как будто собирается уйти.

Ш у б е р т /полицейскому/. Это Николай.

П о л и ц е й с к и й /несколько рассеянно/. Русский царь?

Ш у б е р т /полицейскому/. Нет, мсье. Николай Торо.

Его фамилия- Торо. /Молчаливой даме/. Не правда ли, мадам?

Н и к о л а й /сильно жестикулируя/. Продолжайте, продолжайте, я вам не помешаю!

Он садится в стороне на красный диван. Входит Мадлен с чашкой кофе в руках, она ни на кого не смотрит. Мадлен ставит чашку на буфет и выходит. Эта процедура повторяется много раз, все быстрее и быстрее, пока буфет не оказывается полностью заставлен чашками с кофе.

Довольный поведением Николая, полицейский облегченно вздыхает, улыбается, открывает и закрывает свой портфель.

Ш у б е р т /Николаю/. Ты доволен своей пьесой?

Н и к о л а й /Шуберту/. Я спал. Это куда полезнее.

/Невозмутимой даме/. Не правда ли, мадам?

Полицейский пристально смотрит на Шуберта, достает из портфеля лист бумаги, комкает его и кидает на пол. Шуберт бросается поднимать.

П о л и ц е й с к и й /холодно/. Не беспокойтесь. Не надо. Пусть лежит. /Испытующе смотрит на Шуберта/. Я дам тебе силы, иначе ты не найдешь Малю. У тебя дыра в памяти. Надо ее заткнуть!

Н и к о л а й /покашливая/. Прошу прощения!..

П о л и ц е й с к и й , по-свойски подмигивая Николаю, затем раболопно/. Нет, нет, ничего плохого. /Униженно/. Мсье, вы- поэт? /Молчаливой даме/. Он- поэт! /Достает из портфеля большой кусок хлеба и протягивает его Шуберту/. Ешь!

Ш у б е р т. Я уже пообедал, господин главный инспектор. Я не хочу есть, я не ужинаю по вечерам...

П о л и ц е й с к и й. Ешь!

Ш у б е р т. Мне не хочется, уверяю вас.

П о л и ц е й с к и й. Я тебе приказываю! Ешь- тогда ты наберешься сил и заткнешь дыру в своей памяти.

Ш у б е р т /жалобно/. Ну, если вы приказываете...

Он хныкает и с отвращением подносит хлеб ко рту.

П о л и ц е й с к и й. Быстрее, быстрее, мы и так уже потеряли много времени.

Шуберт с усилием кусает хлеб.

Ш у б е р т. Очень похоже на кору. Наверное, дубовая.

/Невозмутимой даме/. Не правда ли, мадам?

Н и к о л а й /не покидая своего места, полицейскому/.

Господин главный инспектор, что вы думаете о "системе безразличия?"

П о л и ц е й с к и й /Николаю/. Прошу прощения! Одну минутку. /Шуберту/. Это вкусно и полезно. /Николаю/.

Понимаете, мсье, мой долг - подчиняться...

Ш у б е р т. Он очень твердый.

П о л и ц е й с к и й /Шуберту/. Ну, без глупостей, без гримас... Луй быстро!

Н и к о л а й /полицейскому/. Вы ведь не только должностное лицо, но и мыслящее существо... тростник... личность...

П о л и ц е й с к и й. Нет, мсье, я - солдат...

Н и к о л а й /без иронии/. Поздравляю вас.

Ш у б е р т /хныкая/. Он очень твердый.

П о л и ц е й с к и й /Шуберту/. Луй!

Шуберт, словно ребенок, зовет Мадлен. Мадлен продолжает ходить взад и вперед и ставить на буфет чашки с кофе.

Ш у б е р т. Мадлен... Мадле-е-ен...

Мадлен не обращает на него никакого внимания и продолжает входить и выходить.

П о л и ц е й с к и й /Шуберту/. Оставьте ее в покое.

/Жестами указывает Шуберту, чтобы он жевал/. Дивее! Дивее!

Ш у б е р т /плача/. Простите, господин главный инспектор, простите меня... я вас умоляю...

Он жует.

П о л и ц е й с к и й. Слезы на меня не действуют.

Ш у б е р т /продолжая жевать/. Я сломал зуб, у меня идет кровь.

П о л и ц е й с к и й. Давай быстрее, пошевеливайся, жуй, жуй, глотай!

Н и к о л а й. Я много размышлял о возможностях обновления театра. Возможен ли новый театр? Что вы об этом скажете, господин главный инспектор?

П о л и ц е й с к и й /Шуберту/. Быстро! /Николаю/. Я не совсем понял ваш вопрос.

Ш у б е р т. Ай!

П о л и ц е й с к и й /Шуберту/. Жуй!

Мадам входит и выходит все быстрее.

Н и к о л а й /полицейскому/. Я мечтаю об иррациональном театре.

П о л и ц е й с к и й /Николаю, по-прежнему наблюдая за Шубертом/. О неаристотелевом театре?

Н и к о л а й. Совершенно верно. /Невозмутимой даме/. Что вы говорите, мадам?

Ш у б е р т. Я поцарапал себе небо... разодрал язык...

Н и к о л а й. Дело в том, что современный театр до сих пор связан устаревшими формами и не продвинулся дальше психологизма Поля Бурже.

П о л и ц е й с к и й. О, да, Поль Бурже! /Шуберту/.

Глотай!

Н и к о л а й. Понимаете, дорогой друг, современный театр не соответствует культурному стилю нашей эпохи. Он не согласуется с духом нашего времени...

П о л и ц е й с к и й /Шуберту/. Глотай! Жуй!

Н и к о л а й. Необходимо принять в расчет новую логику, открытия современной психологии... психологии противоречий...

П о л и ц е й с к и й /Николаю/. О, да, психология!

Ш у б е р т /с полным ртом/. Пси...хо...хо...ле...

П о л и ц е й с к и й /Шуберту/. Бшь! Поговоришь, когда кончишь с едой. /Николаю/. Я вас слушаю, мсье. Так значит, сюрреалистический театр?

Н и к о л а й. В той степени, в какой сюрреализм является ониризмом.

П о л и ц е й с к и й /Николаю/. Ониризмом? /Шуберту/. Жуй, глотай!

Н и к о л а й. Меня вдохновляет... /Бесстрастной даме/. Не правда ли, мадам? /Снова полицейскому/. Меня вдохновляет новая логика и новая психология... я нахожу противоречия там, где их нет, и обнаруживаю гармонию там, где здравый смысл видит одни противоречия. Я отказываюсь от принципа тождества и единства персонажей в пользу динамической психологии... Я — не есть я... Личность, как таковая, не существует. Существуют только противоречивые и непротиворечивые силы во мне... Кстати, советую вам прочесть замечательную книгу Лунаско "Логика

и противоречие".

Ш у б е р т /плача/. Ай-ай-ай!... /Николаю, продолжая жевать и хныкать/. Ты отказа-а-а... отказался... от... от... эди-и-инства...

П о л и ц е й с к и й /Шуберту/. Тебя это не касается. Ешь!

Н и к о л а й. Персонаж теряет свою определенность в бесформенности становления. Любой персонаж является собой и в то же время любим другим персонажем. /Молчаливой даме/. Не правда ли, мадам?

П о л и ц е й с к и й /Николаю/. Значит, он является собой... /Шуберту/. жжж Ешь!... /Николаю/. ...и любим другим персонажем?

Н и к о л а й. Совершенно верно. Что касается сюжета и причинной связи, то не буду о них даже говорить. Я совершенно ими пренебрегаю, по крайней мере, в их традиционной форме, слишком грубой, очевидной и фальшивой... Никаких драм, никаких трагедий: трагическое обращается в комическое, комическое — в трагическое... и жизнь становится веселей...

П о л и ц е й с к и й /Шуберту/. Глотай! Ешь! /Николаю/. Я не совсем с вами согласен... хотя ваши идеи кажутся мне довольно интересными... /Шуберту/. Ешь! Глотай! жуй! /Николаю/. Лично я верю в классическую логику и в самого себя, уважаю начальство и честно выполняю свой долг... Я не верю в абсурд. Все в мире — взаимосвязано, все со временем станет познанным... /Шуберту/. Глотай! /Николаю%..... благодаря человеческой мысли и науки.

Н и к о л а й /даме/. А вы как считаете, мадам?

П о л и ц е й с к и й. Я двигаюсь вперед постепенно, шаг за шагом, я ищу в жизни необычное... я хочу найти Малю с двумя "я"... /Шуберту/. Быстрее, быстрее, жуй, глотай!

Мадлен с чашками входит и выходит все быстрее.

Н и к о л а й. Значит, вы не разделяете моего мнения?

Но я на вас не в обиде.

П о л и ц е й с к и й /Шуберту/. Глотай быстрее!

Н и к о л а й. К тому же, я виту, что вам хорошо известны проблемы современного театра.

Ш у б е р т /отчаянно кричит/. Мадле-е-ен! Мадле-е-ен!

У него полный рот хлеба и багровое от напряжения лицо.

П о л и ц е й с к и й /Николаю/. Да, они меня очень интересуют и входят в круг моих домашних занятий. Но я устаю от долгих размышлений.

Во рту у Шуберта большой кусок хлеба.

Ш у б е р т. Ай-ай! Ой!

П о л и ц е й с к и й. Глотай!

Ш у б е р т /с полным ртом/. Я пытаюсь... я... я откусил... слишком много... я больше... не могу-у-у-у!

Н и к о л а й /полицейскому, занятому с Шубертом/. А вы уже думали о практической реализации идей нового театра?

П о л и ц е й с к и й /Шуберту/. Нет, можешь! Ты просто

не хочешь! Все люди могут, и ты можешь. Надо только захотеть. /Николаю/. Прошу прощения, дорогой мсье, я не могу продолжать с вами беседу... я не имею права, я на службе...

Ш у б е р т. Можно глотать маленькими кусочками?

П о л и ц е й с к и й. Можно, только быстрее. /Николаю/. Мы еще успеем поговорить об этом.

Ш у б е р т /с полным ртом, он рыдает и превращается в двухлетнего ребенка/. Ма-ма-ма-мад-ле-е-е-е!

П о л и ц е й с к и й. Только без глупостей. Замолчи! Глотай! /Николаю, который не слушает его, погруженный в свои мысли/. У него совсем нет аппетита. /Шуберту/. Глотай!

Ш у б е р т /вытирает рукой пот, его тошнит/. Ма-а-а-ад-лен!

П о л и ц е й с к и й /визгливым голосом/. Не вздумай только вырвать! Это не поможет, я заставляю тебя проглотить все снова.

Ш у б е р т /закрывая уши руками/. Господин инспектор, у меня от нашего крика в ушах звенит.

П о л и ц е й с к и й /визжит/. Господин главный инспектор!

Ш у б е р т /с полным ртом, затыкая себе уши/. Господин главный инспектор!..

П о л и ц е й с к и й. Шуберт, оставь уши в покое, иначе получишь по ушам.

Он силой заставляет его опустить руки.

Н и к о л а й /который с возрастающим интересом наблюдает за происходящим/. А что вы здесь делаете? Чем это вы занимаетесь?

П о л и ц е й с к и й /Шуберту/. Глотай! Жуй! Глотай! Жуй! Глотай! Жуй! Глотай! Жуй! Глотай!

Ш у б е р т /с полным ртом, произносит что-то неразборчивое/. Э-э-э... те-те... кр--р-р... лон... н-н-ны... н-н-ны... ды-ых-х-х... х-х-х... ш-ш-ш-шек... хр-р-р...

П о л и ц е й с к и й /Шуберту/. Что ты говоришь?

Ш у б е р т /выплевывает хлеб изо рта на ладонь/. Знаете ли вы, как прекрасны колонны старинных храмов и колени молодых девушек?

Н и к о л а й /полицейскому, который занят с Шубертом и не слышит его/. Что вы делаете с этим ребенком?

П о л и ц е й с к и й /Шуберту/. Одни глупости, вместо того, чтобы есть. Не разговаривай, когда ешь! Видели такого? Стыда у тебя нет. Глотай все! Быстро!

Ш у б е р т. Хорошо, господин главный инспектор... /Он кладет хлеб из ладони в рот и смотрит на полицейского./ Я... жу-у...

П о л и ц е й с к и й. И этот тоже! /Он кладет ему в рот кусок хлеба/. Жуй! Глотай!

Ш у б е р т /делает мучительное усилие, чтобы разжевать и проглотить хлеб, но безуспешно/. ...де-е-ер-р-р... же-же-же-е-е-е... э-э-э...

П о л и ц е й с к и й. Что?

Н и к о л а й /полицейскому/. Он говорит, что ест дере-

во и железо. Ему не проглотить. Разве вы не видите?
/Невозмутимой даме/. Не правда ли, мадам?

П о л и ц е й с к и й /Шуберту/. Ты просто не хочешь!
М а д л е н /в последний раз входит с чашками и ставит
их на стол. Никто к ним не притрагивается и вообще
не обращает на Мадлен никакого внимания/. Вот кофе.
А вот чай.

Н и к о л а й /полицейскому/. Бедный ребенок, он старает-
ся изо всех сил. Ведь это дерево и железо... У него
кусоч застрял в горле!

М а д л е н /Николаю/. Если он захочет себя защитить, он
сделает это сам.

Шуберт пытается закричать, но не может. Он зад-
хается.

П о л и ц е й с к и й /Шуберту/. Быстрее, быстрее, кому
я говорю! Глотай все сразу!

Раздраженный полицейский подходит к Шуберту,
открывает ему рот и, засучив рукава, собирает-
ся забрать туда рукой.

Неожиданно Николай поднимается с дивана, молча
подходит к полицейскому и с угрожающим видом
останавливается возле него.

М а д л е н /удивленно/. Николай, что ты придумал?

Полицейский оставляет Шуберта, который молча
продолжает жевать. Он ошеломлен вмешательством
Николая, его голос изменяется и начинает дро-
жать. Он почти плачет.

П о л и ц е й с к и й. Но, мсье Николай, я только испол-

нию свой долг! Я должен узнать, где скрывается Мадло с двумя "л". Другого способа нет. У меня нет выбора. А вашего друга, который, надеюсь, станет и моим другом.... /Он указывает на сидящего Шуберта, который побагровел от натуги и продолжает жевать/; ...вашего друга я искренне уважаю.... И вас тоже, дорогой мсье Николай.... Я часто слышал о вашем творчестве, о вас....

Мадлен /Николаю/. Мсье тебя уважает, Николай.

Николай /полицейскому/. Вы ждете!

Полицейский и Мадлен. Ах!

Николай /полицейскому/. Дело в том, что я ничего не пишу.

Полицейский /пораженный/. Нет, мсье, нет.... вы пишете.... /С нарастающим страхом/. Вы должны писать.

Николай. Зачем? У нас есть Ионеско, этого достаточно.

Полицейский. Но, мсье, ведь всегда найдется о чем писать. /Он дрожит от страха. Даме/. Не правда ли, мадам?

Даме. Нет! Я не мадам, а мадемуазель!

Мадлен /Николаю/. Господин главный инспектор прав. Всегда есть о чем писать. Даже если современный мир загнивает.... можно писать о его загнивании.

Николай /вопит/. А мне наплевать!..

Полицейский /он дрожит еще сильнее/. Ах, мсье..

Николай /презрительно смеется в лицо полицейскому/.

Мне наплевать, уважаете вы меня или нет! /Он хватается за лацкан пиджака/. Разве вам неизвестно, что вы- дурак?!

Шуберт продолжает жевать и глотать. Он наблюдает за происходящим и тоже дрожит.

Мадлен. Ну, что вы! Что вы!

Полицейский /в негодовании и изумлении садится, снова встает, роняет стул на пол/. Я... я... дурак?..

Мадлен. Выпейте кофе!

Шуберт /кричит/. Мне уже не больно, я все проглотил! И все проглотил!

Во время последующих реплик на Шуберта не обращают никакого внимания.

Николай /полицейскому/. Да, вы- дурак!

Полицейский /заливается слезами/. А-а-а! Это неправда! Жидкий /Мадлен, которая расставляет чашки на столе/. Мадлен, благодарю вас за кофе. /Снова заливается слезами/. Это ужасно, это несправедливо!..

Шуберт. Мне не больно, я все проглотил, мне не больно!

Он поднимается, радостно идет по сцене, подпрыгивает.

Мадлен /Николаю, который становится все более опасным для полицейского/. Ты не посмеешь нарушить закон гостеприимства!

П о л и ц е й с к и й /Николаю, оправдываясь/. Я не хотел причинять вашему другу неприятность. Он сам заставил меня войти, насильно... Я не хотел, я опаздывал, я спешил... Они сами настояли...

М а д л е н /Николаю/. Это правда.

Ш у б е р т /та же игра, что прежде/. Мне не больно, я все проглотил, я могу играть!

Н и к о л а й /жестко и холодно, полицейскому/. Не притворяйтесь, дело вовсе не в этом.

Эти слова сказаны таким тоном, что даже Шуберт перестает прыгать. Движение прекращается, все действующие лица устремляют свои взгляды на Николая.

П о л и ц е й с к и й /с трудом говоря/. Господи, в чем же тогда? Я не сделал вам ничего плохого!

Ш у б е р т. Николай, я никогда не думал, что ты можешь быть таким злым.

М а д л е н /полная жалости к полицейскому/. Бедный малыш, в твоих глазах застыл ужас... как ты последний!.. как искажились благородные черты твоего лица!.. Бедный малыш, бедный малыш!

П о л и ц е й с к и й /совершенно растерянный/. Мадам, я вас благодарю за кофе? /Николаю/. Избе, я всего лишь инструмент, я- солдат, я обязан повиноваться, я- человек положительный, честный, всеми уважаемый... Кроме того, мне хлякя двадцать лет!

Н и к о л а й /безжалостно/. А мне сорок пять. Какая разница?

Ш у б е р т /загибая пальцы/. Вы- в два раза старше,
даже больше.

Николай достает из кармана огромный нож.

М а д л е н. Николай, подумай, прежде, чем это сделать!
П о л и ц е й с к и й. Господи, господи!..

Он стучит зубами от страха.

Ш у б е р т. Он дрожит, ему, наверное, холодно.
П о л и ц е й с к и й. Да, мне холодно. Ай!

Полицейский кричит. Николай обходит его, разма-
хивая ножом.

М а д л е н. А ведь отопление работает сегодня нормаль-
но. Николай, ты не в своем уме!

Полицейский, вне себя от страха, пускает ветры.

Ш у б е р т /громко/. Ну и запах! /Полицейскому/. И не
стыдно вам?

М а д л е н /Шуберту/. Ты что, не понимаешь, что здесь
происходит? Сейчас же вернись на место! /Она смо-
трит на Николая/. Ну и взгляд! Он, кажется, не
шутит!

Николай поднимает нож.

П о л и ц е й с к и й. На помощь!

М а д л е н /не двигается, Шуберт тоже/. Николай, ты
весь покраснел. Осторожно, у тебя может случиться

удар! Николай, ты ведь годишься ему в стцы!

Николай наносит полицейскому удар ножом. Тот крутится на месте.

Ш у б е р т. Слишком поздно, его не остановишь.

П о л и ц е й с к и й /поворачиваясь/. Да здравствует белая раса!

Николай, с искривленным и свирепым лицом, наносит полицейскому второй удар.

П о л и ц е й с к и й /поворачиваясь еще раз/. Я хотел бы... получить... посмертную... награду...

М а д л е н /полицейскому/. Ты ее получишь, дорогой. Я позволю президенту.

Николай наносит третий удар.

М а д л е н /вздрагивает/. Перестаньте, перестаньте же!

Ш у б е р т /с осуждением/. Ах, Николай, Николай...

П о л и ц е й с к и й /поворачивается в последний раз, в то время как неподвижный Николай по-прежнему держит в руке нож/. Я... жертва... долга!..

Затем, весь в крови, падает на пол.

М а д л е н /бросаясь к трупам полицейского/. Прямо в сердце! Бедный малыш! /Шуберту и Николаю/. Помогите мне! /Николай бросает окровавленный нож на пол. Все трое, на глазах у молчаливой дамы, переносят труп на диван/. Как досадно, что это случилось у нас! /Труп положен на диван, Мадлен под-

кладывает ему под голову подушку/. Вот так! Бедный малыш! /Николаю/. Как нам будет его не хватать! Ну зачем ты его убил?... Все твоя дурацкая ненависть к полиции.... Что делать? Кто нам поможет найти Малло? Кто? Кто?

Н и к о л а й. Кажется, я немного поторопился....

М а д л е н. И сам теперь об этом жалеешь.... Все вы такие....

Ш у б е р т. Да, все мы такие....

М а д л е н. Никогда не подумаете, а потом жалеете....

Нам нужен Малло! /Она указывает на полицейского/. Его жертва не должна оказаться напрасной! Бедная жертва долга!

Н и к о л а й. Я найду вам Малло!

М а д л е н. Bravo, Николай!

Н и к о л а й /труп полицейского/. Твоя жертва не напрасна! /Шуберту/. Ты мне поможешь.

Ш у б е р т. Ах, нет! Я даже вспоминать об этом не хочу!

М а д л е н /Шуберту/. Безжалостный, неужели ты не хочешь ничего сделать для него? Посмотри!

Она указывает на труп полицейского.

Ш у б е р т /топает ногой, словно недовольный ребенок и хныкает/. Нет! Не хочу! Я не хочу!

М а д л е н. Как мне не нравятся непослушные мужья! Ну что за манеры! Стида у тебя нет!

Шуберт продолжает плакать, но понятно, что он уступит.

Н и к о л а й /садится на место полицейского и протягивает Шуберту кусок хлеба/. Эшь!.. Надо заткнуть дыру в твоей памяти!

Ш у б е р т. Я не хочу есть!

М а д л е н. Бессердечный! Слушайся Николая!

Ш у б е р т /берет хлеб, откусывает/. Мне больно!

Н и к о л а й /голосом полицейского/. Без капризов! Глотай! Жуй! Глотай! Жуй!

Ш у б е р т /с полным ртом/. Я тоже жертва долга.

Н и к о л а й. И я.

М а д л е н. Все мы- жертвы долга. /Шуберту/. Глотай! Жуй!

Н и к о л а й. Глотай! Жуй!

М а д л е н /Шуберту и Николаю/. Глотайте! Жуйте! Глотайте!

Ш у б е р т /жует, Мадлен и Николаю/. Жуйте! Глотайте! Жуйте! Глотайте!

Н и к о л а й /Шуберту и Мадлен/. Жуйте! Глотайте! Жуйте! Глотайте!

Дама встает и подходит к ним.

Д а м а. Жуйте! Глотайте! Жуйте! Глотайте!

В то время, как все действующие лица приказывают друг другу жевать и глотать, занавес опускается.

З а н а в е с

1952г.